

А. И. Богомол

Еще один забытый геноцид

Рецензия на книгу: Советские военнопленные во время Второй мировой войны на польских землях:

Сб. ст. / Науч. ред. Я. Войтковяк; пер. М. А. Крисань; науч. конс. В. А. Невежин. СПб.: Алетейя, 2018. 196 с. ISBN 978-5-906980-42-7

С июня 1941 до 1945 г. в немецкий плен попало, по разным оценкам, от 4,5 до 5,7 млн советских военнослужащих. Судьба их была трагична. Советские военнопленные были второй по численности после евреев группой, которая подверглась массовому уничтожению в нацистских концентрационных лагерях. Более полумиллиона пленных красноармейцев погибло на землях нынешней Польши. Бежавшие из плена советские военнослужащие составили первую по численности группу иностранцев, участвовавших в Варшавском восстании 1944 г., а в ряде регионов Польши составляли до трети личного состава польских партизанских отрядов. История советских военнопленных Второй мировой войны остается малоизученной, а те или иные аспекты этой истории каждый раз не совпадают с очередной генеральной линией исторической политики и обрекаются на забвение. Исследования современных польских историков, собранные в рецензируемой книге, призваны ознакомить читателей с этой сложной проблематикой.

Нашему вниманию предлагается сборник статей, недавно опубликованный на польском языке (*Jeńcy sowieccy na ziemiach polskich w czasie II wojny światowej* / Pod red. Jakuba Wojtkowiaka. Warszawa, 2015) и довольно быстро

переизданный в России. О современном состоянии польско-российского научного диалога, пожалуй, лучше всего говорит уведомление, вынесенное на шмуцтитул российского издания, — «Мнения и взгляды, содержащиеся в предисловии, являются исключительно собственными взглядами его автора и не обязательно отражают мнение Посольства». Речь идет о предисловии к статьям польского сборника, написанном научным консультантом российского издания, д. и. н. В. А. Невежиным; посольство, соответственно, имеется в виду польское. Предисловие, предупреждающее российских читателей сборника о том, что их может удивить, вполне уместно. Авторы статей сборника, обосновывая избранные ими объекты исследования, явно дистанцируются от времен ПНР. Гжегож Мотыка, один из авторов сборника, комментируя нежелание польских историков заниматься историей советских военнопленных, прямо указывает на то, что эта тема «все еще напрямую ассоциируется с годами зависимости от СССР и пропагандируемой в период ПНР официальной польско-советской дружбы, что по сути отбивает охоту к проведению серьезной исследовательской работы» (с. 33).

При заявленных составителями сборника территориальных рамках исследования, совпадающих с границами Польского государства, сложившимися после окончания Второй мировой войны, ряд авторов в своих статьях явно ориентируется на границы довоенной Польши. Современными польскими историками совершенно иначе, чем в российской историографии, трактуются события, последовавшие после похода РККА в Западную Белоруссию и Западную Украину (сентябрь — октябрь 1939 г.). Названные территории, приобретенные Польшей по итогам войны с Советской Россией 1920 г., были в результате этого похода воссоединены с СССР. Период их советизации (1939–1941 гг.) в польской историографии назван оккупацией. Понятно, что подобного рода интерпретации (их разделяют и те авторы, статьи которых представлены в сборнике) идут вразрез со взглядами большинства российских историков.

Впрочем, есть и то, в чем польские исследователи темы сходятся с российскими. Не возникает противоречий в вопросе о том, что как польские, так и советские граждане оказались жертвами бесчеловечного нацистского режима. Особенностью польской историографии является общее согласие в том, что красноармейцы, взятые в плен нацистами, подвергались целенаправленному массовому уничтожению. Вопросы о функционировании немецких лагерей, численности и составе содержащихся в них советских военнопленных, количестве понесенных потерь, обстоятельствах уничтожения людей, персональных виновниках смерти военнопленных рассматриваются польскими коллегами обстоятельно, с привлечением всех доступных им источников. Полученные ими данные в целом не противоречат сведениям, имеющимся в доступных российским авторам материалах, а методологические подходы, принятые по разные стороны границы, не становятся предметом конфликта. Это не может не радовать, учитывая споры, сопровождающие любую попытку польских

и российских историков обсудить аналогичную, казалось бы, проблему установления численности, состава и судеб советских военнопленных в польском плену в 1919–1920 гг. (см.: *Матвеев Г. Ф.* Еще раз о численности красноармейцев в польском плену в 1919–1920 гг. // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 47–56).

В 1941–1945 гг. на территории Польши (в современных ее границах) действовало около 80 лагерей для военнопленных. Строительство некоторых из них началось еще до нападения Германии на СССР. В этих лагерях погибло свыше 800 тыс. советских военнопленных. Это больше, чем все потери Советской армии, понесенные в боях за освобождение Польши в 1944–1945 гг.

Историографические разногласия начинаются с того момента, когда бежавшие советские военнопленные покидают огражденную колючей проволокой территорию лагерей и тем самым «возвращаются в игру». Здесь имеет значение и место, и время действия, и то, какие именно военно-политические группировки действовали в изучаемом регионе, и, наконец, политические симпатии авторов. Это важно, поскольку в Польше ни во время войны, ни в тот момент, в который пишутся эти строки, по ряду вопросов не было и еще долго не будет единства.

Проблематика статей, публикуемых в сборнике, отличается разнообразием. Условно можно разделить эти публикации на пять тематических разделов. Якуб Войтковяк и Гжегож Мотыка представили обзор историографии вопроса о советских военнопленных на польской территории в период Второй мировой войны. Я. Войтковяк в статье «Жертвы забытого геноцида» остановился на обстоятельствах возникновения этой темы, показал состояние ее изученности российскими, украинскими и белорусскими исследователями с акцентом на сюжеты, остающиеся малоизученными. Г. Мотыка в статье «Трагедия советских военнопленных во время Второй мировой войны в польской историографии» подробно осветил степень изученности проблемы историками ПНР и современной Польши, обозначив спорные вопросы.

Трагедия плена на примере функционирования отдельных немецких лагерей смерти (в Восточной Померании, Куявии, Ламсдорфе, Хелме) рассматривается в статьях Яна Данилюка, Ренаты Кобыляж-Булы, Анджея Рыбака.

Адам Пулавский исследовал вопрос об отношении руководства Польского подпольного государства к советским военнопленным, а Анджей Хмеляж осветил сюжет об участии их в вооруженных формированиях Армии Крайовой.

Роберт Кувалек затронул сложную тему о мотивах сознательного перехода части бывших советских военнопленных на службу к врагу на примере подразделения «Вахманшафт СС» учебного лагеря SS Травники.

Столь же непростой с точки зрения интерпретации сюжет о специфике отношения к пленным военнослужащим Красной армии со стороны польского населения и общественных организаций осветили Лешек Горыцкий и Беата Сивек-Чюпек.

Польские авторы, представленные в сборнике, хорошо знакомы и с общим состоянием историографии проблемы, и со вкладом своих предшественников в изучение избранных ими тем. Статьи опираются на солидную источниковую базу: источники личного происхождения, делопроизводственные и судебно-следственные материалы, периодическую печать. Значительная часть привлеченных авторами источников, выявленных в архивах и музеях Польши, Германии, России, США, Швейцарии и Израиля, впервые вводится в научный оборот. Все авторы активно использовали информационные ресурсы библиотек и интернет-сайты, преимущественно содержащие справочные материалы биографического характера.

На ряд вопросов все еще трудно ответить в связи с состоянием и доступностью источников. Численность и состав советских военнопленных в немецких концлагерях, данные об их смертности, имена погибших в плену по немецким документам можно установить лишь приблизительно. Не все документы сохранились; до первичной регистрации военнопленных в лагерях надо было еще дожить: от мест боев до лагеря пленных перегоняли пешим строем, без воды и пищи, несколько десятков или сотен километров, и умерших от ран и убитых конвоирами в пути никто не считал. Учет личных данных в лагерях оставлял желать лучшего, судя по количеству пленных, зарегистрированных как «монголы». Документы польского подполья и партизанских отрядов не всегда позволяют идентифицировать человека. Прежде всего сами условия подполья и конспирации затрудняли такую идентификацию. Кроме того, поляки не всегда могли правильно записать или запомнить фамилию иностранца, не владеющего польским языком, да и сам беглец предпочитал назваться прозвищем или вымышленным именем. Даже бойцы отрядов Гвардии Людовой знали обычно лишь имена и прозвища своих советских сотоварищей. Те из бежавших военнопленных, кто попадал в руки польских правых, рисковали не дожить даже до вопроса о своем имени. Военнопленные, попадавшие к Армии Крайовой, в свою очередь старались избежать регистрации своих личных данных, опасаясь преследования в СССР. И если сведения о советских военнопленных в отрядах Гвардии Людовой и Батальонов Хлопских в большей или меньшей степени удалось зафиксировать еще в период ПНР, то сам факт участия советских граждан в Армии Крайовой замалчивался. В постсоветский же период «оказалось, что этот вопрос с помощью сохранившихся документов Армии Крайовой <...> нет возможности изучать» (с. 133).

Ожидаемо неясным оказывается вопрос о заявленных территориальных рамках исследований, включенных в рецензируемый сборник. В предисловии Якуба Войтковяка эти рамки обусловлены современными границами Польского государства. Авторы статей не рассматривают наличие и состояние лагерей для военнопленных, а также количество содержащихся в них советских военнопленных на территориях, вошедших с 1945 г. в состав СССР. Зато, например, лагеря на землях, входивших в состав военного округа Данциг — За-

падная Пруссия, а после войны ставших Гданьским Поморьем, стали объектом изучения в специально посвященной этому статье сборника. С другой стороны, Анджей Хмеляж в статье, посвященной советским военнопленным в составе подразделений Армии Крайовой, ориентируется на довоенные границы Второй Речи Посполитой. Прямо он этого не оговаривает, поэтому его интересное наблюдение о том, что на территории генерал-губернаторства антипатии между АКовцами и советскими военнопленными незаметно, но северо-восточные окраины Второй Речи Посполитой стали зоной острых конфликтов между подразделениями АК и советскими партизанскими отрядами, на первый взгляд выглядит непонятным.

При формулировке темы, объединяющей все статьи сборника, каждое слово было подобрано очень тщательно. Здесь ни разу не упомянута Польша, но только «польские земли» или «польские территории». Речь идет об истории немецких лагерей для военнопленных на польских землях, оккупированных на тот момент нацистской Германией. Перед редакторами явно стояла нелегкая задача — с одной стороны, избежать малейших намеков, могущих вызвать в сознании читателей ассоциации между немецкими концлагерями и Польшей. (Насколько болезненна эта тема для современного польского государства, можно судить по принятому Сеймом в январе 2018 г. закону об Институте национальной памяти, вводящему наказание (от штрафа до лишения свободы на срок до трех лет), в частности, за использование выражения «польские лагеря смерти».) С другой стороны, авторам было важно подчеркнуть, что территории, о которых идет речь в их работах, именно польские, а не германские. В статьях сборника, посвященных периоду 1939–1944 гг., фигурируют, например, Гданьское Поморье, а не Восточная Померания (с. 6), Гданьск, а не Данциг (с. 36), Торунь, а не Торн (с. 38), Гдыня, а не Готенхафен (с. 50). Это привносит в текст ощущение анахронизма. Для соотнесения исторических топонимов с современными можно было бы просто упоминать их вместе — как, например, делает Гжегож Мотыка в своей статье: «Ламсдорф/Ламбиновице» (с. 21).

Тексты статей несвободны от мелких замечаний. Термин «human documents» обычно переводится на русский как «источники личного происхождения», а не как «личные источники» (с. 161). Сын Сталина, Яков Джугашвили, почему-то именуется капитаном (с. 14), хотя его воинское звание на начало войны — старший лейтенант. Автор статьи высказывает предположение о том, что, поскольку в материалах ЦАМО РФ есть данные о представлении Я. И. Джугашвили в июле 1941 г. к правительственной награде — ордену Красного Знамени, то «в связи с представлением к награде <...>, возможно, он был повышен в воинском звании до капитана» (с. 14). Эта мысль не кажется достаточно обоснованной.

Коллаборационисты — советские граждане, служившие в подразделениях Wachmannschaft SS, в немецком военном лексиконе именовались «аскари» — а не «аскеры», как почему-то написано в тексте сборника (с. 141). Термин этот

для германских военных был привычен, — он использовался еще в Первую мировую войну по отношению к темнокожим солдатам вспомогательных частей, служивших в германских колониях в Африке. Употребленное в тексте вместо него слово «аскеры» (тюрк. «воины, солдаты»), хотя и имеет близкое значение, немцами все же не использовалось. Ошибка мелкая, но коннотацию и смысл фразы может изменить до неузнаваемости. Колониальное словечко «аскари» мимоходом, но достаточно четко показывало, кем в Третьем рейхе считали своих «добровольных помощников» — белыми туземцами-унтерменшами.

Выражения, которые не требуют пояснений для польского читателя, в русскоязычной версии сборника стоило бы прокомментировать, как, например, «синяя полиция» (польск. Granatowa policja) (с. 178). К слову, то, что выражение это употребляется во всем тексте статьи, посвященной проблеме коллаборационизма, всего один раз и едва ли не мимоходом, без комментариев, очень аккуратно отводит от внимания читателей тот факт, что коллаборационистские формирования, состоявшие из граждан довоенной Польши, также имели место и принимали участие в деятельности оккупационной администрации.

Со стороны населения и подпольных структур оккупированной Польши не было значительных разногласий в отношении к советским военнопленным, находившимся в немецких концлагерях. Даже организации Польского подпольного государства, подчинявшиеся лондонскому правительству Польши, для которого красноармейцы в любом виде были противником, не скрывали ужаса в разведдонесениях о состоянии дел в немецких лагерях 1941–1942 гг. Разногласия начинались с того момента, когда советские военнопленные оказывались на свободе, совершив побег. С этого времени они становились уже не объектом жалости, а одной из фигур на сложном игровом поле, какое представляла собой оккупированная Польша. Правительство Владислава Сикорского, располагавшееся с 1940 г. в Лондоне, и Делегатура (Польское подпольное государство) контролировали Польшу лишь отчасти. Помимо подчинявшейся Польскому подпольному государству Армии Крайовой, на польских территориях действовали Союз вооруженной борьбы, Польска Неподлегла, Народовы Силы Збройне — организации польских правых партий, которые относились к евреям и к советским военнопленным не менее враждебно, чем к немцам, а против советских партизан вели боевые действия. Как польским правым, так и Армии Крайовой противостояла организация польских коммунистов — Гвардия Людова. В союзе с Гвардией Людовой, но не подчиняясь ей, действовали вооруженные формирования польского крестьянского движения — Крестьянские батальоны (польск. Bataliony Chłopskie). Еще одну воюющую сторону представляли собой еврейские партизанские отряды. Евреи с довоенных времен воспринимались польскими правыми как сторонники СССР, а значит, как враги Польши. Альянс еврейских отрядов с советскими партизанами (а больше было не с кем) и, позже, вхождение их в состав Гвардии Людовой только укрепили представление правых о евреях как о «природных» коммунистах (*Рома-*

новский Д. Партизаны-евреи в Польше, 1942–1945 // ЛЕХАИМ: Ежемесячный литературно-публицистический журнал. 2010. № 8 (220). С. 33–38).

Для польских коммунистов и левых пленные красноармейцы были естественным союзником и мобилизационным ресурсом. Именно эти группировки причастны к организации массовых побегов советских военнопленных из немецких лагерей, и именно эти беглецы составили от трети до половины личного состава отрядов Батальонов Хлопских и Гвардии Людовой. Без конфликтов не обходилось и в этом случае, так как красноармейцы, освободившиеся из плена, предпочитали пробираться к линии фронта, чтобы вернуться в свои части (с. 119). Командиры отрядов расценивали это как дезертирство, тем более что такие «дезертиры», как правило, уходили из отрядов с полученным там оружием. Лидеры польских левых считали, что граждане страны Советов, как братья по классу, должны присоединиться к ним в борьбе за Польшу.

В этом польские левые были солидарны с польскими правыми, для которых любые советские граждане на польских землях были агентами Коминтерна. В документах Народовых Сил Збройных сохранились упоминания о поиске и уничтожении отрядами НСЗ бежавших советских военнопленных — как «бандитов». В данном случае и политика НСЗ по отношению к советским гражданам, и принятая командованием НСЗ лексика совпадают с политикой оккупационной немецкой администрации.

Командование Армии Крайовой первоначально от проблемы самоустранилось: все вопросы с побегами из лагерей советских военнопленных в 1941–1942 гг. предписывалось решать самостоятельно на местах командирам местных отрядов.

Переломным моментом в отношении польских подпольных группировок к советским военнопленным стала зима 1941/1942 г. К этому времени линия фронта отодвинулась настолько далеко на восток, что шансов пробраться через оккупированную территорию уже не было, и беглецы стали оставаться на территории Польши, вливаясь в местные партизанские отряды и создавая собственные (с. 119).

С начала 1942 г. в сообщениях Польского подпольного государства, до того упоминавших о советских военнопленных нейтрально или сочувственно, меняется тон информации: «Словосочетание “десантные отряды” сменилось на термин “банды”. Понятия “диверсант” и “бандит” зачастую отождествлялись» (с. 122). Армия Крайова на этот момент, подчиняясь принятой в Лондоне выжидательной стратегии, активных боевых действий не вела, сберегая силы и опасаясь немецких репрессий. Эта мудрая политика имела неожиданное последствие. В восточных областях, где действовали советские партизанские отряды, как писало в апреле 1942 г. польское подпольное издание *Biuletyn Informacyjny*, «польское население дезориентировано и в большинстве случаев поступает ошибочно. Например, молодежь, несмотря на неизбежные репрессии со стороны немцев, предпочитает присоединиться к диверсантам, вместо того

чтобы спрятаться и переждать в других повятах, не охваченных диверсионными действиями» (с. 134). Одобрение польским населением действий Батальонов Хлопских по защите Замоищины и интерес к действиям коммунистической Гвардии Людовой указывали на то, что, если Армия Крайова хотела удержать первенство в борьбе с немецким оккупантом, она должна была менять форму борьбы, резюмирует Анджей Хмеляж. Командование Армии Крайовой пришло к тем же выводам. Таким образом, бежавшие советские военнопленные стали катализатором партизанского движения даже в той среде, которая изначально была настроена враждебно по отношению к ним, и даже в тех областях, до которых «рука Кремля» на тот момент не дотягивалась.

Отношение местного населения и польского подполья к советским военнопленным (и, более широко, к советским партизанским отрядам) не было одинаковым в различных регионах. А. Хмеляж указывает: «Негативное отношение <...> не оказывало непосредственного влияния на отношение к бывшим гражданам СССР в рядах АК. Правда, это касается только территории Генерал-губернаторства. Территорией острого конфликта с советскими партизанскими отрядами <...> стали северо-восточные окраины Второй Польской республики (главным образом Виленское и Новогродское воеводства). В 1943–1944 гг. там разыгралась локальная польско-советская партизанская война, в ходе которой отмечено более двухсот боев (*Boradyn Z. Niemen – rzeka niezgody. Polsko-sowiecka wojna partyzancka na Nowogrodzczyznie 1943–1944. Warszawa, 1999*). Противоположной была ситуация на юго-восточной территории. Здесь на отношения с советскими партизанскими отрядами повлиял польско-украинский конфликт, что склоняло к оказанию взаимопомощи. Так было в случае с польским центром самообороны в селе Пшебраж. Кроме поляков, здесь от немцев и украинцев скрывались евреи и беглые советские военнопленные, которых перебрасывали в партизанские части» (с. 123).

Л. Горыцкий подтверждает, что более благожелательными к советским военнопленным были территории Люблинщины: «...в Люблинском воеводстве <...> находилось больше всего беглых военнопленных. Там располагались многочисленные лагеря для военнопленных, как, впрочем, и большие лесные массивы, дающие возможность укрыться. Кроме того, в прошлом эти земли входили в состав Российской империи, и многие, особенно пожилые люди, знали русский язык. Историки <...> даже выделили четыре района, где скрывались советские военнопленные, и деревни, которые особенно им помогали» (с. 177).

Показанная авторами сборника неоднородность отношения польского подполья, равно как и мирного населения, к советским военнопленным является лишь частью более общей проблемы — отсутствия единства в польском обществе, расколотом по ряду параметров — политическому, региональному, этническому и религиозному. Адам Пулавский в статье «Позиция Польского подпольного государства в вопросе о советских военнопленных» пишет: «Следует согласиться с историком Дарьюшом Либёнкой, что военная действительность

на польских землях воспринималась в этнических категориях, а также с Кристиной Керстен, утверждающей, что война обострила и вынесла на поверхность деление по национальному признаку: «Фактом стало то, что общество Второй Польской республики с треском разорвалось по национальным швам»» (с. 98).

Исследования современных польских авторов наглядно напоминают о том, что партизанская война, тлевшая на оккупированных польских землях в течение всей Второй мировой войны, была не только войной за освобождение от нацистской оккупации. Второй, зачастую более важной целью было решение вопроса о власти и политическом строе страны после войны. В этом смысле польская ситуация не уникальна, и ее вполне можно сравнить с ситуацией тех же лет в Югославии, Греции, Италии, Словакии. На территориях, оккупированных нацистской Германией, параллельно действовали несколько партизанских армий, враждовавших между собой. Левая ЭАМ-ЭЛАС (Народно-освободительная армия Греции) и правая ЭДЕС (Народная республиканская греческая лига) в Греции, «четники» Михайловича и партизаны Тито в Югославии, Армия Крайова и Гвардия Людова в Польше воевали не только с фашистами, но и друг с другом — за власть в освобожденной стране.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. И. Богомолов. Еще один забытый геноцид. Рецензия на книгу: Советские военнопленные во время Второй мировой войны на польских землях: Сб. ст. / Науч. ред. Я. Войтковяк; пер. М. А. Крисань; науч. конс. В. А. Невежин. СПб.: Алетейя, 2018. 196 с. // Петербургский исторический журнал. 2023. № 1. С. 191–199

FOR CITATION

A. I. Bogomolov. Another forgotten genocide. Review of the book: *Soviet Prisoners of War in the Second World War on Polish Soil: Collected Articles* / Edited by J. Wojtkowiak; translated by M. A. Krysan. St. Petersburg: Aletheia, 2018. 196 p. // *Petersburg historical journal*, no. 1, 2023, pp. 191–199

Автор: **Богомолов, Алексей Иванович** — к. и. н., научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Author: **Bogomolov, Alexey Ivanovich** — PhD, researcher, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: iohannes@yandex.ru